

КОГДА К ПЕРУ ПРИРАВНЯЛИ ШТЫК



Имя Александра Васильевича Адрианова появилось в томской печати в год 70-летия советской власти. В газете «Красное знамя» из номера в номер печаталась эпопея про чекистов «Подвижники революции». Воспроизводилось постановление томской уездной ЧК об очередной карательной акции. В списке лиц, «запятнавших свои руки в рабоче-крестьянской крови» и расстрелянных марта 1920 года, первым стоит имя редактора газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова.

«Остался до последнего момента непримиримым врагом пролетарской революции», - подводит черту постановление ЧК.

Видимо, так оно и было. Не мог Адрианов принять большевистского переворота, для которого невооруженные граждане - «многотысячный и коварный враг». Но вот боролся он с большевиками *только печатным словом*. А победившая власть, если перефразировать ее поэтического трибуна, приравняла к перу штык. Да и авторы эпопеи (печаталась в 1987 году!) «не решились» сказать о том, что не запятнал Адрианов рук в крови, что в дни ареста и расстрела это был 67-летний старик. Не посмели предположить, что ударом, от которого он не смог оправиться, а значит, и достаточным наказанием была для него потеря любимой «Сибирской жизни». Нет, газетчик, воевавший только словом, оставался врагом народа. А ведь и сам он предвидел это в 1917-м, когда написал: «В самом деле, разве не проще и не сильнее ответить на призывы к разуму одним презрительным словом «буржуй» или уже грозным «контрреволюционер»?..».

Александр Адрианов родился в 1853 году в Тобольской губернии. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. С 1879 года - постоянный сотрудник Г.Н.Потанина, участник и организатор ряда этнографических и археологических экспедиций по Сибири и Монголии.

В 1880 году Адрианов предпринимает первую самостоятельную экспедицию по исследованию древней истории Южной Сибири и сопредельных территорий. Этому и посвящена большая часть адриановских исследований. В поисках Александру Васильевичу сопутствует удача. Это не та капризная удача-Фортуна в расхожем поэтическом смысле. За этой удачей Адрианов со спутниками отправлялись труднопроходимыми тропами, а то и вовсе по бездорожью, преодолевая на лодках и плотах громадные расстояния. Им обнаружена масса петроглифов - наскальных рисунков.

Результаты его поисков - различные находки, предметы быта, религиозных культов - рассредоточены сейчас во многих музеях страны, в Императорской Археологической Комиссии, различных отделах Географического общества, в музее археологии и этнографии Сибири при Томском университете.

В музеях России хранятся и фотографии, сделанные Адриановым в разных медвежьих углах. Он одним из первых оценил важность фотографии как источника научной информации, как свидетеля жизни стихийной, неприбранной, натуральной. Он в числе пионеров окончил курсы фотографов, и с первых путешествий верным помощником исследователя стал фотографический аппарат. Это не было хобби. Современные мастера камеры отмечают несомненное мастерство Адрианова-фотографа.

В 80-е годы был сотрудником «Сибирской газеты» и три года ее главным редактором. Газета была закрыта за антиправительственное направление. Но в те вегетарианские времена отстраненный от любимого дела Адрианов не «получил срок» и не стал изгоем общества. Вынужденно проживая некоторое время в Минусинске, он вернулся к занятиям археологией. Результат изысканий - солидный труд «Очерки Минусинского края». Перу Адрианова принадлежат также работы «Путешествие на Алтай и за Саяны», «Город Томск в прошлом и настоящем», «Томская старина», «Периодическая печать в Сибири». Перечень этот говорит о широте интересов Александра Васильевича, что роднит его с великим земляком Григорием Потаниным. Потанин был его старшим товарищем. Оба они дорожили этой дружбой.

В 1916-1919 годах Адрианов - главный редактор газеты «Сибирская жизнь». Это издание пользуется большой популярностью у читателя, имеет влияние и добрую репутацию в

обществе. Редакторство Адрианова пришлось на страшное лихолетье России - первая мировая, февральская революция и октябрьский переворот, гражданская война, которая в Сибири приняла особый, затяжной характер. В этих условиях «Сибирская жизнь» сохраняет верность лучшим демократическим традициям. И, конечно, идеология ленинцев никак не вызывает адриановских симпатий. «Работа анархического большевизма с государственной точки зрения носит разрушительный, дезорганизуемый характер и ведет государство к гибели. Нам грозят обнищание, одичание и застой». Согласитесь, что по железной логике большевизма этих слов было достаточно для вынесения смертного приговора.

В декабре 1989 года газета «Красное знамя» отметила дату - 70 лет установления в Томске советской власти. Среди прочих материалов я увидел с полсотни строк под заглавием «Из дневника А.В.Адрианова». Стояли подписи подготовивших полосу - историк Н.Ларьков и сотрудник партархива А.Одинецкий. Неужели дневник Александра Васильевича хранится в архиве Томского обкома КПСС?

- Да,- подтвердил при встрече Николай Ларьков. И обнадежил:

- Времена нынче другие, проси, покажут.

Правда, меня - недавнего зачумленного - не только допустили в святая святых, но и позволили почитать несколько страниц этого дневника. Увы, это были лишь *фотокопии*. Интересно, что бывший заведующий партархивом (ныне покойный) М.И.Чугунов - точный, аккуратный архивный работник не оставил запись об источнике информации.

Я наводил справки. Ни в краеведческом музее, ни в государственном архиве, ни в музее истории, археологии и этнографии университета никакого дневника нет. Справился в КГБ. Ответили, что и у них нет ни дневника, ни следственного дела.

И вдруг в начале 91-го узнаю, что следственное дело существует и как раз сейчас находится в прокуратуре, где рассматривают, возможна ли политическая реабилитация Адрианова. Оснований для реабилитации не нашли, а познакомить меня с документами категорически отказались, ссылаясь на гриф «Секретно».

Однако томские интеллигенты, что называется, «без спросу» открыли памятную доску Адрианову на доме, где работала «Си-

бирская жизнь» (угол переулка Нахановича и улицы Гагарина). Это отдельная героическая история. После данной акции областная прокуратура объявила-таки о политической реабилитации редактора газеты.

Опусти также историю моих новых обращений в Комитет госбезопасности. Весной 93-го мне был назван день и час встречи. И вот я - впервые добровольно - прошел в один из кабинетов КГБ и открыл папку со следственным делом Адрианова. Следственное дело, конечно, фикция. Он был арестован 22 декабря 1919 года, спустя пять дней были взяты предварительные (и единственные) показания. В частности, Адрианов пояснил: «Свою работу в «Сибирской жизни» я считаю методом политической борьбы, а отнюдь не преступлением, т.к. в газете я помещал статьи, в коих выражались мои политические убеждения».

Среди обвинительного материала - а это газетные вырезки, официальная и частная переписка - были мною обнаружены и листы дневника, написанные его четким нестарческим почерком, хотя шел Александру Васильевичу 67-й год. (Я опубликовал адриановские записи в альманахе «Сибирская старина» №6 за 1994 год).

29 февраля 1920 года на заседании томской ЧК заслушали вопрос по обвинению редактора «Сибирской жизни» в контрреволюционных действиях и постановили: «Применить высшую меру наказания - расстрел. Имущество конфисковать».

Дату смерти с полной достоверностью не назвать. О том, что приговор приведен в исполнение, газета «Знамя революции» сообщила 7 марта 1920 года.

Газета эта, кстати, стала выходить на базе «Сибирской жизни» сразу после закрытия последней в декабре. И доска, посвященная ее редактору Вегману тоже на здании редакции есть, только с другой стороны. Такой вот сегодня получился плюрализм.

Хочу привести одну запись из предсмертного дневника Александра Адрианова.

«19 декабря... Пользуясь праздничным днем, я пошел навес- тить Гр. Н. Потанина в госпитальную клинику... Он очень слаб. Улучшения, говорит, нет, все слабеет и думает, что не встанет. Голо- ва, говорит, не работает, «я теперь неинтересный, скучный, не отзы- ваюсь на происходящее». Газету ему уже не читают - ему трудно слушать и усваивать... Одиночество и это лечение без какой-либо

определенности болезни ему тягостно, он передумывает, перебирает в памяти прошлое... Организм заметно разрушается, и духовные силы, до самого последнего времени еще побеждавшие физические немощи, ему изменили.

На переднем и обратном пути к клиникам я встречал разбегавших в кошечках красноармейцев с винтовками, видел на Садовой и какой-то пеший отряд с красным флагом, встречал группы городской самоохраны с винтовками, слышал неистовые крики у «Дома Свободы» - видимо, то были приветствия ораторам».

С тяжелым чувством прочел я тогда, в чекистском архиве, эту запись. Александр Васильевич, сострадая Потанину, видимо, не предполагает, что великий старец переживет его (правда, на каких-то три месяца). Наверное, он не подозревает и том, что этот декабрьский шабаш с неистовыми криками, с красным флагом вовлечет его в свою смертельную свистопляску. Ведь он не считал свою работу преступлением.

Но пришли люди другой генерации, разом отменившие все нормальные человеческие понятия и представления...

*«Томские новости»,
11 мая 2001 года.*